

СЛАВЯНСКОЕ **-žab-*; ПРАСЛАВ. **žarovъžь*
 'ВЫСОКИЙ, ПРЯМОЙ'

Для выделения в лексике родственных, в данном случае славянских, языков общих элементов, для установления относительной хронологии тех или иных образований в отдельных языках нам представляется необходимым сопоставление не отдельных слов, а целых лексических гнезд. Такое сопоставление позволяет выявить общие элементы, которые раньше оставались вне внимания исследователя, и включить в круг этимологически изучаемых слов производные, но сохраняющие древнее значение или структуру слова.

В данной статье рассматриваются слова с корнем *žab-* в славянских языках.

1. Первым общим элементом при сравнении слов с этим корнем оказывается название лягушки или жабы (*Rana*, *Bufo* L.), слав. *žaba*. Принадлежность этого слова к праславянской эпохе ни у кого не вызывает сомнений. В одних славянских языках слово служит общим названием и для лягушки (*Rana* L.), и для жабы (*Bufo* L.), в других этим словом называют только жабу. В связи с этим производные слова в первой группе языков (украинский, например) многочисленнее. Все слова, производные от слова *žaba* 'лягушка, жаба', различаются по языкам, отражают словообразовательные тенденции каждого из языков и тем самым могут считаться позднейшими. Ср., например, название лягушонка: чеш. *žabé*, с.-хорв. *жа̀бић*, укр. *жабеня*; болота с лягушками: укр. *жаба́рь*, с.-хорв. *жа̀блак*, болг. *жабунек*. Общим для украинского, белорусского языков и соседних русских говоров является название лягушачьей икры: укр. *жабури́ння*¹, блр. *жабуры́ньне*², русск. орл.-курск. *жабури́нье*. Последнее, несомненно, заимствовано из украинского языка.

2. Вторым общеславянским элементом в рассматриваемом гнезде слов можно считать слав. *žaba* 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных'. Структурно слово *žaba* 'болезнь' идентично предыдущему, с точки зрения значения оно производно. Названия болезней, образованные от названий

¹ Гринченко, I, стр. 470.

² М. Гарэцкі. Беларуська-расійскі слоўнічак. Менск, 1925, стр. 53.

животных, широко распространены в индоевропейских языках³. Семантическая связь между словом *žaba* 'земноводное' и *žaba* 'болезнь' заключалась, вероятно, в представлении о том, что жаба служит причиной болезни, и в способности жабы раздуваться, распухать (эмоциональная отрицательная характеристика жабы нашла достаточно яркое отражение в славянском фольклоре, ср., например, русск. олон. «жаба ти сядь»⁴). Любопытные примеры, в которых в какой-то мере сохранилась эта образность, есть в одном из первых русских лечебников: «в горлѣ жабы»; «болесть в горле якоже есть жаба и язычное отпадение»; «жаба падаетъ и горло застилаетъ»⁵; «О жабе, чем должно исцелять жабу, когда у собаки... заведется жаба, под горлом зделается шишка»⁶.

Время возникновения слова *žaba* 'болезнь', омонимичного к слову *žaba* 'земноводное', судя по его общеславянскому распространению и типичности семантических связей, можно отнести к праславянской эпохе.

Названия растений в славянских языках связаны и с тем и с другим словом. Все они, несомненно, поздние по образованию. Со словообразовательной точки зрения они прозрачны, но семантические связи не всегда ясны. Часть названий растений (главным образом водных и болотных) образованы от слова *žaba* 'лягушка, жаба', другая часть — от слова *žaba* 'болезнь'. Последнее отношение характерно в первую очередь для русского языка. Типичной словообразовательной моделью для народных названий лекарственных растений в русском языке служит словосочетание имени прилагательного, образованного от названия болезни или части тела, которая болит, со словом «трава». Название *жабная трава* относится ко многим растениям, использовавшимся в народной медицине от кашля, удушья и непосредственно от жабы. В первую очередь *жабной травой* называется *Potentilla argentea* L. (в говорах Московской, Владимирской, Воронежской, Тульской, Тверской и Калужской областей)⁷, иначе это растение называют *горлянка*, *грудничка*; затем *Antenaria dioica* Gärtn., *Euphrasia officinalis* L., *Filago arvensis* L., *Gnaphalium uliginosum* L., *Lynosyris villosa* Dc., *Thlaspi arvense* L.⁸

³ Schradeg. Reall, стр. 483.

⁴ Г. Куликовский. Словарь областного олонечного наречия. СПб., 1898, стр. 145.

⁵ «Травник Любчанина». Исторический музей, рукопись Уварова, № 2192 (список XVII в.), стр. 223, 384, 148.

⁶ «Книга охотничей регул, или Порядок о содержании псовой охоты». Рукопись ГПБ, О. Х. З., середина XVIII в., л. 27/2.

⁷ Н. И. Анненков. Ботанический словарь. СПб., 1878, стр. 270; Пупарев. Простонародные названия растений. — Тв. г. в., 1869, № 47, стр. 2360.

⁸ Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 37, 141, 145, 160, 195, 353; Даль, I, стр. 523.

Называние водных и болотных растений производными от слов со значением 'лягушка или жаба' типично для всех славянских языков. Так, в чешском языке, например, все растения, носящие названия *žabník*, *žabinec*, *žabí trava*, являются водными или болотными (это *Lemna*, *Stellaria*, *Polygonum*, *Alisma*, *Callitriche*, *Anagallis*)⁹. То же в украинском, где *жабником* называют болотные растения *Caltha palustris* L. и *Menyanthes trifoliata* L., а *жабуром* — 'зеленую тину' (*Conferva* L.)¹⁰, в с.-хорв. *жабдрек* — *Conferva* L., *жабдчун* — *Alisma plantago* L.¹¹ Для русского языка это явление менее характерно. Лишь в пермских говорах *жабником* называют *Menyanthes trifoliata*¹².

3. Третьим общеславянским элементом в лексическом гнезде слов с корнем *žab-* можно считать, по нашему мнению, технический термин, обозначающий стержень с лункой, колодку, лунку, для вращающегося предмета или планку, соединяющую две подвижные части предмета. В польском, чешском, болгарском и сербском языках это 'стержень, на котором вращается петля ворот'¹³, в русском, украинском, польском — 'стержень с лункой, на котором вращается жернов'¹⁴, в украинском и сербском — 'колодка блока'¹⁵, в украинском — 'основа гончарного круга'¹⁶. Этот термин, как нам кажется, является праславянским, так как все слова с этим значением имеют единую форму в славянских языках (*žaba*, демунитивы *žabka*, *žabica*), представлены во всех славянских языках и называют части древних технических сооружений (мельница, гончарный круг). Вероятно, слово *žaba* в этом значении является вторичным, но каким образом оно связано и связано ли со словом *žaba* 'земноводное', сказать трудно. Называние частей различных орудий бытовым словом по какому-либо сходному признаку очень распространено в славянских языках (ср. *баба*, *нос*, *лапа*, *башмак*, *яблоко* и мн. др.), но здесь трудно выделить первоначальный признак.

⁹ V. Mašek. *Ceská a slovenská jména rostlin*. Praha. 1954, стр. 50, 74, 75, 87, 140, 174, 261, 302.

¹⁰ Гринченко, I, стр. 468.

¹¹ И. И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 172.

¹² Пупарев. Указ. соч., № 41, стр. 200.

¹³ J. Karłowicz. *Słownik gwar polskich*, vol. 6. Kraków, 1911, стр. 431; J. Jungmann. *Slovník česko-německý*, V. Praha, 1839, стр. 820; С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953, стр. 197; И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 172.

¹⁴ В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1843, стр. 44; Даль, I, стр. 524. Я. О. Пура. *Говори західної Дрогобиччини*, ч. I. Канд. дисс. Львів, 1958, стр. 282; J. Karłowicz. Указ. соч., т. 6, стр. 432.

¹⁵ Гринченко, I, стр. 469; И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 172.

¹⁶ Гринченко, I, стр. 469.

Таким образом, сопоставление лексических гнезд слов с корнем *žab-* в славянских языках позволяет нам установить несколько праславянских форм: *žaba* 'лягушка, жаба' и производные *žaba* 'болезнь', *žaba* 'технический термин' (?). Остальные рассмотренные ранее слова являются позднейшими и производными от названных выше.

Но есть несколько производных слов, происхождение которых не столь очевидно. Тем не менее они не служили предметом этимологического исследования. К таким словам относится слово *пережабина* и некоторые другие.

Будучи областным по происхождению, слово *пережабина* вошло в русский литературный язык довольно поздно. Оно отмечено в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г., в словаре Бурнашева и в «Словаре современного русского литературного языка»: «Носик у нее (у горлинки) с *пережабинкой*, светло-розового цвета, голова, шея и зоб светло-розовые»; «Нос у нее был совсем не такой, как у дочери, — длиннее, уже, с *пережабинкой* на переносице»¹⁷; «*пережабина* — узкое, вдавшееся дугою место речки или ручья»¹⁸; «*пережабина* — тонкое место на ровной палке»¹⁹. Фиксирует это слово и Даль, давая еще одну форму — *пережабок*. «Тыква травянка, горлянка, родится с *пережабиной*»; «У нее больна нога, отроду, с *пережабком*»²⁰. Значение слова определено Далем: «узкое место, перехват, переем, пережим». Со словообразовательной точки зрения слова *пережабина*, *пережабок* являются отглагольными, типа *впадина*, *огрызок*, и в литературном языке близко родственных слов не имеют. Можно лишь предположить существование глаголов *жабить* и *пережабить*. В русских говорах есть глаголы *наджабить* и *пожабиться*, образованные с другими префиксами. *Наджабить* — симб.-перм. 'надломить'²¹, *пожабиться* — 'согнуться неправильно от удара или давления'²². В витебских говорах белорусского языка записан глагол *жаб'ътца* — «надломлівацца пры згібанні»²³. Таким образом, может быть восстановлено значение глагола *жабить*: 'ломать, гнуть, давить'.

Можно предположить, что технический термин *жаба*, *жабка* в значении основы для вращающегося предмета исторически

¹⁷ «Словарь современного русского литературного языка», т. 9. М., 1959, стр. 599.

¹⁸ В. Бурнашев. Указ. соч., т. II, стр. 57.

¹⁹ «Областные слова Владимирской губернии, собранные Бобровым, 1853». Архив АН, ф. 216, № 24.

²⁰ Даль, III, стр. 50.

²¹ Даль, II, стр. 400.

²² В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 638.

²³ С. А. Грагор'еў. Да пытання аб узаемаатнасінах паміж прафесіянальнай лексікай і слоўнікавым саставам дыялекта або групы гаворак. «Уч. зап. Мозырскаго ГПІ», вып. I. Минск, 1958, стр. 156.

связан с этим глаголом и обозначал первоначально лунку, выемку, в которую вставлялся вращающийся предмет, что, передавая значение более абстрагированно, можно сформулировать как 'то, что выломлено, выдавлено'.

Любопытен глагол *жабать*, записанный в Архангельской области. «Ише видяль я цюдюшкко цюднѣ того: по синему морю да жернова несеть, да и в жапки собака муку *жабала*»²⁴. Цитата не дает возможности точно вывести значение этого глагола, можно только предположить, что он значит 'молоть' или 'есть'. Возможно, что глагол *жабать* образован от слова *жабка* 'часть мельничного устройства', но кажется более правдоподобной его связь с глаголом *жабить*. Значения 'ломать' и 'молоть', 'есть' близки друг другу.

Совершенно особняком стоит слово вологодско-вятских и олонечких говоров *жаба* 'рот, пасть, хайло'²⁵: «н'е раскрыва́я сво́ю жа́бу»²⁶; «жабу роспялить — закричать»²⁷; *жаба* (Коштуш, Ошта) — 'рот'²⁸. Относительно этого слова Фасмер высказывает мнение, что оно может быть родственно слову *жабра*²⁹.

Мне кажется, что рассмотренные выше слова *жабить* 'ломать', *жабка* 'лунка, ямка', *жабать* 'молоть, есть' и *жаба* 'рот, пасть' все по происхождению являются родственными слову *жабры*.

Слово *жабры* (с вариантом *зебры*) по русским говорам имеет два основных значения: 'челюсть, скула' и 'дыхательное устройство у рыб'. Слова *жабры*, *зябры*, *зебры* в значении 'челюсть у человека и животного (особенно нижняя), скулы' отмечено в говорах Курской, Орловской, Калужской, Донской, Тамбовской и Ульяновской областей³⁰. *Зебры* в значении 'нижняя губа' (может быть, 'челюсть') отмечены в Архангельской области. «Што *зебры*-то до колен распустил, не видишь, куда идешь?»³¹. Связь значений 'челюсти', 'жабры у рыб', вероятно, очень древняя. Ср. аналогичное явление в германских языках:

²⁴ «Архангельские былины и исторические песни», т. III. СПб., 1904, стр. 157.

²⁵ «Словарь русского языка», т. II, вып. 1. СПб., 1897, стр. 171.

²⁶ Л. И. Горева. Говоры Вожгальского района Кировской области. Канд. дисс. Киров, 1952, стр. 256.

²⁷ В. Магницкий. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губ. Казань, 1885, стр. 19.

²⁸ Г. Куликовский. Указ. соч., стр. 22.

²⁹ Vasmer, I, стр. 407.

³⁰ С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. «Уч. зап. МОПИ», т. 88, 1960. Труды кафедры русского языка, вып. 5, стр. 199—200; Б. А. Мойсеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого р-на Чкаловской области. Канд. дисс. М., 1955, стр. 196; А. Мотовилов. Симбирская мольвь. — Сб. ОРЯС, т. 44, стр. 21; Даль, I, стр. 524.

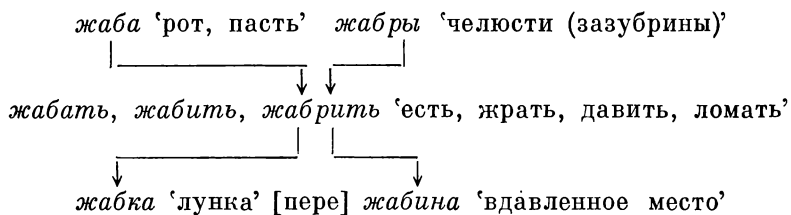
³¹ А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 58.

ср.-н.-нем. *Keve* 'челюсть' и 'жабра'³², современное англ. *jowl* 'челюсть, щека' и 'голова (лосося, осетра)'. Слово *жабры* отмечено также в чешском, словацком, болгарском, украинском и белорусском языках. Для украинского языка типичен вариант *зябры*³³, в белорусском — *жебры*³⁴. География вариантов с *з/ж* в пределах русских говоров неясна. Можно лишь очень огрубленно сказать, что формы с *з* тяготеют к южнорусским говорам, а с *ж* — к севернорусским.

Слово *жабры* имеет еще значение 'зазубринки, насечка на остроге, на крючке удочки'³⁵ (ср. лит. *žeberklas* 'острога, гарпун').

От слова *жабры* (*зебры*) 'челюсти' в русских говорах образованы глаголы со значением 'есть, жрать, жевать'. *Жабрить*, *жабровать*, калин., смол., *зебрить* 'жрать', *жабрун*, *жабручья* 'обжора', *пожабрить* 'пожевать, пожамкать', *пережабрить*, *перезебрить* 'все съесть'³⁶. В украинском языке — *жабрії* 'прожорливые': «Вони такі жабрії, що ніколи не наїдяться»³⁷.

Так как значения 'есть, жрать' и 'ломать, давить' совместимы (ср. русск. просторечн. *раздавить*, *смолоть* 'съесть'), то можно предположить, что глаголы *жабить* и *жабать* относятся по происхождению к этому гнезду слов. Интересный пример *наджабрить* 'повредить'³⁸ (ср. приводимый выше глагол *наджабить* 'надломить'), который, как мне кажется, подтверждает мою гипотезу. Схематически развитие значений представляется следующим образом:

Развитие у глаголов *жабить*, *жабрить* значений 'есть, ломать' делает правдоподобной мысль о том, что они образованы от слова *жабры* 'челюсти'.

Несмотря на диалектную ограниченность распространения слов *жаба* 'рот, пасть' и *жабру* 'челюсти', широта индоевропей-

³² Holthausen, стр. 151.

³³ Гринченко, II, стр. 191.

³⁴ И. И. Носович, стр. 154.

³⁵ Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858, стр. 47; Даль, I, стр. 524; Гринченко, II, стр. 191.

³⁶ Даль, I, стр. 524; III, стр. 220, 50.

³⁷ Гринченко, I, стр. 470.

³⁸ «Причитанья северного края, собранные Е. В. Барсовым», ч. 2. М., 1882, стр. 324.

ских связей позволяет их отнести к древнейшему пласту славянской лексики. Восстановление праславянской формы затруднено, хотя параллельные формы типа *зябры* как будто бы позволяют нам предположить здесь этимологическое *ę*. Благодаря тому, что на славянской почве произошло совпадение целого ряда индоевропейских корней, возникли богатые возможности для контаминации, что мы и наблюдаем для рассмотренных выше двух гнезд слов, в основе первого из которых лежит слово **žaba* 'лягушка, жаба', в основе второго — **žębry* (?) 'челюсти', **žęba* (или **žaba*) 'рот, пасть'.

Название растения *Galeopsis Tetrahit* L. в ряде славянских языков *жабрей*, *зябрей*, *зябра* по происхождению очевидно связан со вторым рассматриваемым гнездом слов. Это слово имеет многочисленные варианты по говорам: *жабра*, *жабрей*, *жабрий*, *жабрик*, *жебрей*, *жебрий*, *зябра*, *зября*, *зябрей*, *зябер*, *зябирь* и др.³⁹ М. Фасмер (так же, как Ильинский, Изв. ОРЯС, 24, I, 25 и Булич, ИОРЯС, 10, 2, 428) предполагает, что *зябрей*/, *жабрей* образован от основы *zęb-/zrb-*, и приводит в подтверждение нем. *Hohlzahn* и синонимические названия *жабрея* — колютик, бодылек и др.⁴⁰ Но возможно предположение и об ином семантическом отношении слова *жабрей* с основой *žębr-* (*žębr-*). Так как *жабреем* называется целый ряд сорных растений, в первую очередь разные виды *Galeopsis*, затем *Linaria*, *Chrysanthemum* и др., то можно связать слово *жабрей* со словом *зябрь* 'паровая пашня'. Ср. блр. *зябер*, род. п. *ера*: «На *зяберу* посеяв пшеницы»⁴¹. Тогда значением этого слова будет 'сорняк, растущий на паровом поле'. Аналогичное название лебеды (*паровица*) распространено в северновеликорусских говорах.

* * *

Праслав. **žarovъjъ* 'высокий, прямой'. В северновеликорусских говорах и в говорах Сибири широко распространено слово *жаровый* в значении 'высокий, прямой' по отношению к строеному, корабельному лесу.

Этимология этого слова неясна. Преображенский связывает это слово предположительно с корнем *жар-* в значении 'сухоподстойные, дающие жаркое пламя'⁴². Фасмер отвергает эту этимологию, считая также маловероятным сопоставление *Поттебни* с лат. *garš* 'длинный'⁴³.

³⁹ Этимологизируемые Ильинским (Изв. ОРЯС, 24, I, 125) названия растений *жибрий*, *жибрий* — не что иное, как диалектные произносительные варианты слова *жабрей* и самостоятельно этимологизироваться не могут.

⁴⁰ Vasmer, I, стр. 466.

⁴¹ Носович, стр. 223.

⁴² Преображенский, I, стр. 221.

⁴³ Vasmer, I, стр. 411.

Основное значение слова *жаровый* — 'высокий, прямоствольный'. Такое значение отмечено в говорах Архангельской⁴⁴, Пермской⁴⁵, б. Олонекской⁴⁶, Вятской⁴⁷, Казанской⁴⁸, Саратовской областей⁴⁹ и в говорах Сибири⁵⁰. То же значение, но с некоторым оттенком — 'прямой', гладкий' (так как жаровое дерево имеет ветви только у вершины, а ствол гладкий) — отмечено в говорах Ярославской области⁵¹ и в говорах Урала⁵². Обычно эпитет *жаровый* употребляется по отношению к хвойному лесу, но иногда и к другим деревьям. Так, Зеленин записал в б. Вятской губ. фразу из песни «Стань рябинушкой ты жаровою» (комментируя так: «жаровое дерево — прямое и высокое»)⁵³, а в Поднепровье отмечен гидроним *Жировые березы*⁵⁴, который позволяет расширить область распространения слова. В некоторых случаях у прилагательного *жаровый* гипотетически предполагается значение 'длинный': «Тоненька, жаровенька, весь свет обшивает (игла)»; «Я по жердочке шла по тоненькой, я по тоненькой, по жаровенькой»⁵⁵.

По отношению к животным и людям слово *жаровый* употребляется в значении 'высокий, тонкий, поджарый, стройный': «Жаровая лошадь — поджарая, тонкая»⁵⁶, *жаровый* прм. 'поджарый, тонкий и высокий'⁵⁷.

В иной форме — *жарáвый* — прилагательное имеет то же значение 'высокий, стройный': «Во темном лесу все под сосною,

⁴⁴ «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 56.

⁴⁵ А. Теплоухов. Сто тридцать слов провинциальных и технических, употребляющихся в Пермской губ. и относящихся до крестьянского хозяйства, лесоводства, горного дела и судостроения. «Уч. зап. Каз. ун-та», 1857, кн. III, стр. 172.

⁴⁶ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. III. М., 1909—1910, стр. 356.

⁴⁷ Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1908, стр. 68.

⁴⁸ С. К. Булич. Материалы для русского словаря. СПб., 1896, стр. 7.

⁴⁹ Д. И. Алексеев. Говор с. Архангельского Чердаклинского р-на Ульяновской области. Канд. дисс. Куйбышев, 1953, стр. 188.

⁵⁰ В. В. Палагина. Современный говор старожильского населения западной части Томского р-на Томской области. Канд. дисс. Томск, 1951, стр. 315; М. Р. Кривошапкина. Евсейский округ и его жизнь. СПб., 1865, Приложение IV, стр. 47.

⁵¹ Е. И. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ. Ярославль, 1894, стр. 44.

⁵² М. Д. Голубых. Говоры Белоярского р-на Свердловской области. Канд. дисс. Свердловск, 1952, стр. 272.

⁵³ Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб., 1903, стр. 52.

⁵⁴ П. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, стр. 221.

⁵⁵ В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 50.

⁵⁶ «Словарь русского языка», т. II. СПб., 1897, вып. 1, стр. 232.

⁵⁷ Даль, I, стр. 526.

под кудрявою, под жаравою»⁵⁸; «Тонкая, жаравая, сама молодая»⁵⁹.

За пределами русского языка слова этого корня засвидетельствованы лишь в белорусском⁶⁰.

В говорах б. Олонецкой (и только в этих говорах) *жаровый* значит 'сухой, засохший на корню'⁶¹. Все разобранные выше примеры показывают, что это значение вторично, так как именно *жаровый* лес обычно засыхает на корню.

И формы, и значения дают нам право предположить существование в др.-русс. языке прилагательного **жаровъ*, -а, -о со значением 'высокий, прямой'.

В отношении этимологии этого слова может быть выдвинута следующая гипотеза. Индоевропейский корень **gher-* в значении 'выдаваться, выступать, расти'⁶² представлен в славянских языках лишь в словах, отражающих нулевую ступень (грань, гроно, гроздь, грана и др.). Такое ограниченное использование этого корня, вероятно, объясняется широким развитием производных у омонимичного корня **gher-* 'гореть'. Ср. *гореть, греть, жеравой, жар, горн, грань* 'угли', где отражены все ступени корня. За пределами русского и белорусского языков прилагательное *жарозой (жеравой)* значит 'раскаленный, горящий' (обычно об углях и т. п.). В русских говорах это прилагательное отсутствует. Примеры в словаре Срезневского являются церковнославянизмами. Вероятно, этим объясняется сохранение в русских говорах слова *жаровый* 'высокий, прямой, стройный'.

Аналогичное явление наблюдается в отношениях двух других омонимов, относящихся к этим корням. Слово *грань* 'острый край, выступ' (продолжающее индоевропейский корень **gher-* 'выступать') имеет общеславянское распространение, тогда как *грань* 'угли' (продолжающее **gher-* 'гореть') отмечено лишь в говорах Закарпатья.

Таким образом, русское диалектное *жаровый* может считаться праславянским диалектизмом (**žarovъjъ*), отражающим ступень продления индоевропейского корня **gher-* 'выдаваться, выступать, расти, зеленеть'. Развитие значений можно предположить следующее: 'расти > быть высоким, рослым'.

⁵⁸ «Словарь русского языка», т. II, вып. 1, стр. 220.

⁵⁹ Даль, I, стр. 526.

⁶⁰ Носович, стр. 153.

⁶¹ «Словарь русского языка», т. II, стр. 232.

⁶² Роконгу, Lief. 5, стр. 440, 454.